

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Перед вами роман о воплощениях безумия. По этой причине классификация гайстескранкен (безумцев) вам, скорее всего, мало что скажет. В конце романа вы найдете краткие определения каждого типа гайстескранкен, а также полный список героев. Много дополнительной информации представлено на моем сайте в разделе <http://michaelrfletcher.com/beyondwiki/>. Или можете просто читать, и сами все узнаете. Иногда трудный путь — самый приятный.

Приношу свои извинения тем, кто знает немецкий.

ПРОЛОГ

Старых богов сломали войны и недуги разума, и боги пошатнулись, их поступь сбилась, как у ветеранов, покрытых ранами. Исполнившись ужасом при мысли о расплате за свои деяния, они нашли убежище в сумасшествии. Безумие как побег. Стремясь освободиться, они скрылись в мире наваждений, галлюцинаций, в мире, не запятнанном завистью и психозами. Но в конце концов осквернили и его. Их нужда была так глубока, так отчаянно бежали они от своего горького прошлого, что не обратили внимания на один трюизм, перед которым должно склониться каждому.

Вера определяет реальность.

Извращенные страхи древних богов червями вползли в их творение и стали реальны. Темные мысли зажили своей жизнью. И те, что некогда были просто персонажами, вымышленными кем-то для забавы, обрели плоть и кровь, породив собственные наваждения.

Сны стали кошмарами, а кошмары — реальностью. Они скитались по земле, живые воплощения

самых древних страхов человека, и получили имя «альбтраум».

И цикл продолжается.

Нет надежды, что существа, рожденные наваждениями и бредом несовершенных богов, будут хоть сколько-то вменяемы. Кошмары определяют будущее, а боги с немym ужасом наблюдают за тем, что они создали.

Небриле Гаст, верховный жрец Ванфора

ГЛАВА 1

*Там, где реальность зависит от наваждений,
царит гефаргайст.*

Ферсклавен Швахе,
философ гефаргайста

Они бежали на запад, а за ними была погоня, и все из-за последней работенки. опережая правосудие буквально на шаг, они прибыли в очередной город-государство, ветхий и гнилой.

Бедект, прищутив глаза из-за царапаншего кожу ветра, въехал в полис первым; по бокам его сопровождали Штелен и Вихтих. Лауниш, огромный вороной конь Бедекта, шел, измученно понурав голову. Они уже много часов скакали без остановки, а Бедект был человеком далеко не хрупкого телосложения.

Глядя на вопиющую нищету, он усомнился, что когда-то этот город знал лучшие времена. Не все тут было построено из кривых и потемневших досок, виднелось несколько каменных зданий, но и те выглядели так, как будто вот-вот развалятся. Хотя

Бедекту было все равно; он не собирался останавливаться здесь надолго.

Из темных переулков на всадников искрами отчаяния смотрело множество блестящих глаз. В этом не было ничего нового. Он и его компаньоны не могли не привлекать к себе внимания: Бедект — массивной фигурой и шрамами, Вихтих — безупречной внешностью. Он глянул налево, на Штелен. Ее лошадь пугливо прыдала ушами, как будто опасалась неожиданного удара. Бедект не стал бы винить за это бедную тварь — он и сам испытывал такие же чувства всякий раз, когда Штелен оказывалась на расстоянии вытянутой руки. Она сидела в седле, склонившись вперед, навстречу ветру, швырявшему песок в лицо, и безобразные желтые зубы обнажались в оскале, который почти никогда не сходил с ее осунувшегося лица. Правая рука лежала на рукояти меча. Того, кто глазел на Штелен слишком долго, она вполне могла зарубить. Впрочем, люди старались ее не замечать. Паршивая псина, отощавшая, похожая на скелет, несколько ярдов тащилась за ними, пока на собачонку не направила свои желтушные глаза Штелен. Пес взвизгнул и бросился наутек.

Бедект бросил взгляд на Вихтиха. Тот, как всегда, выглядел невыносимо безупречно. Ничто в мире не могло взъерошить эту прическу или нарушить сияние его белозубой улыбки.

«Какой же он самовлюбленный кретин».

От дорожной пыли у Бедекта запершило в горле, которое и так уже болело, и он чихнул, так что из

ноздрей полетели ярко-зеленые сопли. Уже неделю как ему недужилось, и признаков выздоровления заметно не было.

— Старик, кажется, дела у тебя плохи,— заметил Вихтих.

— Я в порядке.— Ему нужно было найти постоянный двор и лечь в теплую постель. Просто убитый готов, о боги, за кружку эля, пусть и самого отвратительного.

Штелен сплюнула на дорогу, и Лауниш шарахнулся. Ее боялись даже боевые кони.

— А этот идиот прав,— сказала она.— Давай-ка уложим тебя в постель.

— Сколько же времени ты уже собираешься это сделать.— Вихтих заткнулся, как только на него уставилась Штелен.

Может, Бедекту повезет, и эти двое убьют друг друга и оставят его в покое.

— Моя лошадь устала, и у меня болит задница,— сказал он.

— Твой конь устал, а задница болит, потому что ты толстый и старый,— ответила Штелен, и ее лошадь, слыша голос хозяйки, запрядала ушами.

— Так как же величают этот город, похожий на ночную вазу? — Вихтих вальяжно расположился в седле, рассматривая обветшавшие укрепления и рассеянных стражников в неряшливой форме. Он с опаской понюхал воздух и, наморщив идеально прямой нос, изобразил преувеличенное отвращение.— Извините, ошибся: это место не ночная ваза, а выгребная яма. Пахнет совсем иначе.— Он улыб-

нулся Бедекту, сверкнув ровными белыми зубами. Порыв ветра взъерошил его рыжевато-русые волосы, и на мгновение он стал похож на героя — из-за широких плеч торчат два тонких меча, мускулистые руки непринужденно лежат на бедрах. Дорогая одежда — он умеет ее носить — усиливает эффект. Впечатление от этой картины нарушали только его глаза, невыразительные и серые.

«Как этот ублюдок, этот эгоистичный убийца умудряется походить на такого безупречного героя?» И правда, у богов извращенный вкус. Бедект, конечно же, походил именно на того, кем был: стареющего бойца, лучшие времена которого давно позади, с ноющей спиной, больными коленями, покрытого боевыми шрамами, и большого любителя эля. Он никогда не выглядел так хорошо, как Вихтих, даже в лучшие годы. Будь Бедект столь красив, все в его жизни могло бы сложиться иначе. Но он в этом сомневался.

— Хорошо бы в здешней куче дерьма нашелся постоялый двор, — сказал Вихтих.

— Разве ты когда-нибудь видел такой большой город и без единого постоялого двора? А называется он, как мне кажется, Унбраухбар. — Бедект с опаской окинул взглядом местных стражников, которые продолжали прилежно игнорировать чужаков, и почесал сломанный в кулачной схватке нос левой рукой, точнее, тем, что от нее осталось. Не хватало двух пальцев — их отрубили много лет назад на одной бессмысленной войне. На кожаной петле, притороченной к седлу, у него висел тяжелый двусторонний топор, которому довелось рубить так

много, что лезвия покрывали выбоины. Бедект бросил взгляд на Штелен. — Ты здесь бывала раньше?

Та запустила в спутанные и грязные светлые волосы пальцы, длинные, как у музыкантов, хотя она за всю свою жизнь не сыграла ни одной ноты. Глянула из-под взлохмаченной челки — глаза ее были светлые, водянисто-голубые с зелеными крапинками; белки отливали нездоровой желтизной. Быстро обвела все вокруг злобным взглядом, как будто выбирая, на что направить свой гнев, — казалось, далеко ходить за этим ей не надо. Ноздри крючковатого носа раздулись, словно она надеялась отыскать объект для ненависти по запаху.

— Нет, — ответила она.

— Хорошо, — пробормотал Вихтих.

Штелен хмуро глянула на него:

— И что же в этом хорошего?

— Ты, наверное, никого здесь не знаешь.

— И что с того?

— Поэтому, возможно, нас здесь никто не захочет убить.

Она не стала отвечать на это, но спросила Бедекта:

— Почему мы здесь?

Тот ответил, не глядя на нее:

— Потому что здесь нам лучше, чем там, где мы были раньше.

— Если бы Вихтих не переспал с той...

— Но он переспал.

— Если бы ты не убил тех...

— Но я убил. — Бедект наконец посмотрел на нее и нахмурился, когда она скорчила недовольную гримасу, обнажив кривенькие желтые зубы. —

